

С.Б. Роцинский

Философия Владимира Соловьева в парадигме логики культуры XXI века

В статье на основе анализа текстов русского мыслителя В.С. Соловьева (1853–1900) и конкретных исторических фактов доказывается, что философ достаточно верно предугадал основную мировую тенденцию нашего времени, а именно: в условиях целостного и взаимозависимого мира мирному сосуществованию людей и народов нет разумной альтернативы.

Ключевые слова: логика культуры; предсказание; примирение; синтез; диалог; коэкзистенция; человечество.

Философию Владимира Сергеевича Соловьева можно рассматривать как эпизод, пусть и значительный, в истории мысли, как интеллектуальное явление, принадлежащее своему времени. И это будет правильно. Потому что философ жил и сочинял свои произведения в последнюю четверть XIX века, питался атмосферой мысли и реальной действительности того времени, пользовался соответствующим уровнем знания. Тем не менее при осмыслении многих высказанных им идей трудно согласиться с тем, что они лишь сумеречные письма той «совы мудрости», что вылетает на закате дня и итожит только то, что свершилось. Вряд ли можно однозначно утверждать, что философ постфактум излагал мысли, относящиеся лишь к исходу XIX столетия.

«Несвоевременность» Соловьева отмечал поэт и публицист Василий Львович Величко, биограф В.С. Соловьева. «Соловьев пришел не в свое время: либо слишком рано, либо слишком поздно!» [3: с. 56], — писал он. Мне представляется, что более точно высказался по этому поводу Александр Блок, который назвал Вл. Соловьева «рыцарем-монахом... занесшим золотой меч над временем» [2: с. 332], усматривая в явлении Соловьева уже не «несвоевременность», а «надвременность».

Действительно, многие мысли философа к XIX веку относятся меньше всего. Можно даже упустить из виду его религиозно-эсхатологические идеи, такие как наступление эры богочеловечества, или грядущего тысячелетнего воцарения Христова, о котором философ упоминает в конце своей жизни. Гораздо более важными и актуальными представляются размышления философа о приземленном, что ли, синониме понятия «богочеловечество» — о *человечестве* как таковом, а еще больше — о *становящемся* человечестве, о перспективах его существования как единого и взаимозависимого целого,

о необходимых условиях *сосуществования* входящих в его состав наций, народов и культур. Именно в этом контексте Соловьев высказал идеи, которые оказались поразительно созвучны важнейшим философским интенциям нашей эпохи, остро поставившей эти вопросы уже не в отвлеченно-теоретическом плане, а исходя из настоящего требования реальных обстоятельств глобального масштаба.

В философском проекте В.С. Соловьева отчетливо просматривается парадигма того миропонимания, суть которого отражает словосочетание «новое мышление», когда-то очень популярное у нас, но вскоре оказавшееся почти что забытым. Для его характеристики можно использовать и ту трактовку, которую предложил Владимир Соломонович Библер в своей известной книге «От наукоучения — к логике культуры»: миропонимание как гуманитарное мышление, основанное на общении и диалоге, взаимодополнении и взаимопонимании. Как мне показалось, концептуальный подход и перестановка акцентов во взгляде на новейшую философию, философию XXI века, предложенные Библером уже в названии его книги «От наукоучения — к логике культуры» очень созвучны не только взглядам В.С. Соловьева на задачи философии, но и тому, что из себя представляет сам философский замысел Соловьева.

Не буду проводить сравнительный анализ подходов к проблеме Соловьева и Библера — там масса расхождений в деталях. Но обозначу лишь главную суть библеровской концепции. Она сводится к тому, что в XX веке происходит кризис «разума познающего», доминировавшего в Новое время. Однако этот кризис не следует воспринимать как общий кризис разумения. Потому что в XX в. формируется новый всеобщий разум — разум *диалогический*, конкретнее определяемый как *разум культуры*. В диалогическом разуме оживают предшествовавшие формы разумения: разум эйдетический (античность), разум причащающий, или тео-логос (Средние века), и, наконец, собственно разум познающий. В этом синтезе разумов и логик реализуется диалог различных мировоззрений, различных культур, как Запада, так и Востока [1: с. 3–16].

В.С. Соловьев уже в своей магистерской диссертации приходит к выводам, очень созвучным тем идеям, которые содержатся в концепции В.С. Библера. «Новейшая философия, — говорит Соловьев, — с логическим совершенством *западной формы* стремится соединить *полноту содержания духовных созерцаний Востока...* Осуществление этого *универсального синтеза* науки, философии и религии... должно быть высшею целью и последним результатом умственного развития... восстановлением совершенного внутреннего единства умственного мира...» [5: с. 122 (курсив автора. — С.Р.)].

Это было сказано в начале 70-х годов XIX столетия. И долго оставалось без заметных последствий. И лишь в XX веке, и то не в самом начале, к подобным выводам стало приходиться все больше и больше мыслящих людей.

И это уже были не отвлеченные теоретические построения, а был конкретный ответ на жесткий вызов нашего сурового времени. Сформировались целые направления, ориентированные на философское решение проблем взаимопонимания людей, примирения и согласия между различными мировоззрениями и типами мышления, между народами и культурами. В контексте данной проблематики плодотворно работали и работают О. Шпанн (универсализм), Ю. Хабермас (теория коммуникативного действия), Дж. Гэлбрейт (теория конвергенции), Л. Габриэль (интегральная логика), К. Апель (этика дискурса) и многие другие. В этом ряду особо следует отметить «философию диалога», получившую в последнее время огромную популярность как в России, так и за рубежом. Существенный вклад в ее разработку внес наш соотечественник М.М. Бахтин; позже в России тему диалога культур продолжили многие авторы, в том числе и В.С. Библер. В своем учении В.С. Соловьев во многом превосходил современную постановку, а отчасти и решение этих проблем. Его философия и есть в значительной мере именно логика культуры, диалогика культур и мировоззрений.

Правда, у самого Соловьева понятие «логика культуры» не фигурирует, во всяком случае в качестве особой категории. Однако в работе «Философские начала цельного знания» Соловьев употребляет выражение «философия жизни». Оно по смыслу очень близко тому, что в данном случае имеется в виду как логика культуры. Говоря о предназначении философии, Соловьев видел ее задачу в том, чтобы быть не только отвлеченной теорией, или «философией школы», а «быть философией жизни». «Философия школы», писал он, «занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имеет никакой прямой внутренней связи с жизнью личной и общественной». В то время как «философия жизни» «стремится стать образующей и управляющей силой этой жизни» [11: с. 179].

В ранге «философии школы», по мнению Соловьева, выступали учения, возникавшие как в русле рационализма, так и в русле эмпиризма (хотя исторической ценности этих учений философ несколько не умаляет). Тем не менее, несмотря на исторические заслуги, названные течения, по причине своей односторонности, не могли претендовать на то, чтобы считаться самодостаточными в постижении истины. Что же касается «философии жизни», или истинной философии, то она призвана объединить в органическом синтезе логический рационализм, материалистический эмпиризм, а также религиозный мистицизм и подняться выше этих своих составных частей. Именно такая философия, рассматривающая Вселенную в живом единстве, и способна, по мысли Соловьева, служить делу исторического совершенствования человека и человечества. Необходимость такого синтеза философ выводит не только из соображений чисто теоретического порядка. Ведь согласие в действиях людей может быть достигнуто только при условии достижения взаимопонимания в их представлениях, согласованности во взглядах, в частности, на то, что есть добро и что есть зло, что есть истина, а что — ложь.

Путь осуществления добра лежит только через истину, считает Соловьев. Истина же есть всецелое и всеединое знание, синтез различных методов, средств и путей ее постижения.

Все эти рассуждения были не отвлеченной декларацией. В своей системе В.С. Соловьев сумел примирить идеи философов самых различных направлений. Он исходил из того, что всякое не всуе произнесенное слово содержит в себе момент истины. Философия всеединства Соловьева представляет собой своего рода лабораторию проведения «универсального синтеза» разнообразных идей, концепций, течений, направлений. И этот соловьевский синтез идей был не искусственной конструкцией или эклектическим соединением, а органической целостностью, строго организованной логически и обоснованной теоретически. В целом можно сказать, что философия всеединства В.С. Соловьева представляет собой стройную и последовательную доктрину примирения и общения людей и идей, народов и культур, мировоззрений и типов мышления. Собственно, это и есть прообраз той модели, которая в вышеприведенной концепции Библера характеризуется как логика, или диалогика культуры. Речь идет о такой «вселенской культуре», которая «в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности» [11: с. 176], в составе которой на свободной основе и на равных правах общаются и взаимодействуют личности, народы, нации, цивилизации.

Идея становления человечества, или «всечеловечества» — по существу, центральная идея историософии В.С. Соловьева. Понятие «человечество» трактуется им не как некая абстрактная категория, а как живая, развивающаяся реальность. Поэтому он больше говорит о *становящемся* человечестве: «...Оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет и расширяется вовне и развивается внутренне» [9: с. 228]. Осуществление этой идеи в будущем он рассматривал и с позиций религиозно-нравственных, исходя из того, что христианство есть религия всеобщей солидарности и примирения; и эмпирически — в наблюдаемых им тенденциях к сближению и взаимопониманию цивилизованных наций; и теоретически, исходя из сформулированного им в работе «Философские начала цельного знания» «всеобщего закона всякого развития».

Согласно этому закону, человечество проходит в своем развитии три основные стадии. Первая стадия характеризуется как первоначальная слитность, «смешение или внешнее единство». Вторая связана с выделением и обособлением элементов этого единства, которые «стремятся к безусловной свободе». Третий, завершающий, этап развития есть собирание частей и новое, свободное и добровольное, а потому — совершенное единство.

Логическая схема этого закона выстроена по форме гегелевской триады: тезис, антитезис, синтез. Соловьев убежден, что логика истории неминуемо ведет к синтезу положительных начал, содержащихся в первых двух моментах

развития. Третий фазис мирового процесса, завершая диалектический цикл, призван восстановить утраченную цельность первой стадии, но сохранив при этом все лучшее, что было добыто на второй стадии. Прежде всего свободу и самоценность личности, общественных институтов, самостоятельность государств и т.п. Иными словами, в истории должен произойти синтез восточного и западного типов жизни, диалектическое соединение солидарности и свободы, единства и множественности, соборности и индивидуальности. «Только такая жизнь, — пишет Соловьев об этой высшей стадии развития, — такая культура, которая ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности, только она может... быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой» [11: с. 176].

Философ прозорливо усмотрел в мировом развитии наступление ситуации, которая столетие спустя будет охарактеризована как «целостный и взаимозависимый мир». В труде «Оправдание Добра» (вторая половина 90-х годов) он писал: «В настоящее время огромное большинство населения земного шара составляет одно реально связанное тело, солидарное (если еще пока не нравственно, то уже физически) в своих частях... Какой-нибудь промышленный кризис в Нью-Йорке чувствительно отражается сразу в Москве и Калькутте» [7: с. 475].

Однако единство и целостность мира не означает для Соловьева некую безразличную, субстанциальную слитность, поглощающую всех и вся. Положительное всеединство мира предполагает безусловное признание самоценности всех входящих в его состав отдельных частей — государств, народов, племен, личностей.

Примерно к такому же взгляду на состав мировой целостности приходят сегодня многие мыслители. В последние десятилетия мировая философская мысль все больше смещает свой интенциональный акцент с проблемы сущности на проблему существования. При этом предметом внимания значительного числа мыслителей и целых философских направлений выступает не столько индивидуально-персоналистическая экзистенция, сколько экзистенция глобальная. Острота постановки проблемы вызвана тем обстоятельством, что само существование человечества как таковое уже стало проблематичным.

Эволюция внимания от категории частного, партикулярного, к понятию целостного и универсального является одним из императивов современности. Речь идет, разумеется, не о полном отрицании ценности первого и абсолютизации значения второго — происходит своего рода диалектический поворот к синтезу этих крайностей. Лозунг «все во имя человека, все для блага человека» дополняется вопросом: что сегодня важнее — отдельный человек или все человечество? Нарастание террористической угрозы обострило звучание этого вопроса, о чем свидетельствуют случаи ограничения прав и свобод личности со стороны государства, принимающего адекватные меры по обеспечению общественной

безопасности. В социальной проекции на смену эгоцентрическому либерализму приходит комплексное видение проблемы человека, индивидуальное человеческое «я» рассматривается не только в личностном аспекте, но все больше в социальном и глобальном контексте. При этом значение и ценность индивидуальности несколько не нивелируются.

Философия Соловьева есть одновременно онтология и гносеология, историософия и этика взаимосвязанного и взаимозависимого совместного существования самоценных человеческих «монад» — индивидуальных, социальных, культурно-исторических — в составе единого человечества. Идею, лежащую в основе такого миропонимания, вполне корректно можно обозначить как идею сосуществования, или *коэкзистенции*. Это — позиция современного миропонимания, в русле которого формировался и постмодернизм (весьма неоднозначно воспринимаемый нашим философским сообществом), не принимающий ксенофобии и высоко ставящий идею коммуникативного сосуществования с Другим. Эмманюэль Левинас, виднейший представитель этической феноменологии, формулирует свою позицию в выражениях, от употребления которых не отказался бы В.С. Соловьев. «Можно понять Бога как альтернативное и трансцендентное существо только в понятиях межчеловеческих отношений, — пишет он. — Но именно потому, что в мире существуют более чем два человека, мы неизбежно переходим от этической перспективы изменчивости к онтологической перспективе всеединства» [4: с. 199, 201]. Примеров, выражающих подобные умонастроения, можно привести множество.

Но самое главное в такой позиции — это понимание хрупкости, смертности Другого, существующего вместе с тобой в космосе всеединства. Поэтому важнейший смысл коэкзистенции — не стремиться подавить или уничтожить Другого, не препятствовать его бытию, а видеть высшей целью максимальное продление совместного благополучного бытия в этом всеедином мире. Именно так представлял В.С. Соловьев суть вопроса. «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, — писал мыслитель, — в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотой*; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как *полнота бытия*» [8: с. 552].

В логику становления положительного культурного единства Соловьев вписывал, естественно, и Россию. Если в начале творческого пути он отводил ей роль особой третьей силы, исторически предназначенной соединить в положительном всеединстве Запад с Востоком, то впоследствии, начиная с 80-х годов, он занял позицию универсалистскую, рассматривая Россию в качестве равноправного и равноценного члена мирового сообщества народов и государств. При этом он повел резкую полемику против идеологии национальной исключительности России, против политики изоляционизма, особенно по отношению к европейским государствам: «Наша внеевропейская или противоевропейская преднамеренная

и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха»; для осуществления собственного национального призвания «нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них» [6: с. 262].

То, что в последнее время происходит вокруг и внутри России, во многом находит философское объяснение в учении В.С. Соловьева. На территории бывшего СССР отчетливо обнаруживаются следы действия соловьевского «всеобщего закона всякого развития». После нескольких веков унитарного существования Российской империи, а затем Советского Союза (тезис) в 1991 году произошел распад этой целостности (антитезис). Но очень скоро стала давать о себе знать тенденция «второго отрицания», выражающаяся в стремлении ряда государств к новой интеграции на иной основе — в виде СНГ и даже «союзного государства» России и Белоруссии (синтез). Те шаги к сближению, что уже сделаны и делаются в области экономики, коллективной безопасности, решения пограничных, таможенных и других вопросов, позволяют говорить о действии центростремительной силы во взаимоотношениях между большинством бывших республик СССР, направленной на достижение нового единства на свободной и добровольной основе, как этого требуют логика соловьевского закона развития.

Не выпадают из поля действия этого закона и федеративные отношения в России. Здесь, с одной стороны, заметны положительные результаты процессов, согласующихся с принципом добровольного и свободного объединения территорий и народов в федерацию, и, с другой стороны, наглядно обнаруживаются негативные следствия игнорирования этого принципа. Урок Чечни с достаточной убедительностью показал, что при формировании и обеспечении государственной целостности силовые методы уже не годятся, что время требует иного подхода к решению межнациональных и межэтнических проблем. Между тем В.С. Соловьев предупреждал еще в 80-х годах позапрошлого века: «Одно только мы знаем наверное: если Россия не выполнит своего нравственного долга... если она не откажется от права силы и не поверит в силу права... — она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [6: с. 263].

В данном контексте важное значение В.С. Соловьев придает проблеме исключения насилия из практики разрешения политических, межгосударственных конфликтов. Эти вопросы он анализирует в главе 18-й «Оправдания Добра» — «Смысл войны». В ней он высказывает предположение о неизбежности прекращения межгосударственных войн, прежде всего на европейском континенте. Одной из главных причин он считал именно то, что в последнее время стало главным фактором сдерживания милитаристских притязаний ядерных держав: «И все эти чудовищные вооружения европейских государств, о чем же они свидетельствуют, как не о том великом вседвлюющем страхе перед войной и, следовательно, о близком конце войн?» [7: с. 475]. Это предощущение вот уже семь десятилетий как стало реальностью, если оставить за скобками локальные вооруженные

конфликты. Философ не склонен был наивно полагать, что идея примирения и достижения положительного единства человечества реализуется сразу или в ближайшие сроки. «Зло войны есть крайняя вражда и ненависть между частями распавшегося человечества, — подчеркивает Соловьев. — Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно *перестало быть нужным* и чтобы естественная организация разделенного на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную, или духовную, организацию» [7: с. 484 (курсив автора. — С.Р.)].

В своих знаменитых «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории», написанных Соловьевым весной 1900 года за несколько месяцев до смерти, философ рисует отнюдь не радужную картину человеческой истории. Включенная в это сочинение легенда о пришествии антихриста зачастую расценивается как крушение надежд Соловьева, которые он вынашивал на протяжении всей своей жизни. Но это не совсем так. Соловьев лишь предупреждает, что путь к всечеловечеству сложен и труден, что он сопряжен с трагическими изломами и жертвами. Ведь все же в итоге победу торжествует вовсе не антихрист. Эта легенда, пишет Соловьев на последней странице «Трех разговоров», «имела предметом не всеобщую катастрофу мироздания, а лишь развязку нашего исторического процесса, состоящую в явлении, прославлении и крушении антихриста» [10: с. 761].

Действие соловьевского закона исторического развития, пожалуй, в наибольшей мере прослеживается на примере Европы. Исторический путь ее от Античности, через Средние века до эпохи Возрождения — это путь от унитарной империи к образованию отдельных государств и обретению ими политической самостоятельности. Этот путь был сопряжен с вековыми конфликтами. Филипп Коммин, видный государствовед эпохи Ренессанса, даже выдвинул теорию, согласно которой каждый народ и каждое государство имеют свой особый противовес: «королевство Франции Бог создал для противостояния англичанам», для Англии — шотландцев, для Испании — Португалию, для Австрийского дома — Баварию и т. д.» [12: с. 221–222]. Дело даже не в теории, а в жестокой действительности: за столетие (с 1540 по 1640 г.) в Западной Европе только четыре года были относительно спокойными, все же остальные 96 лет были наполнены военными конфликтами — межгосударственными и религиозными [12: с. 229].

Вторая мировая война была, надо полагать, последним кровавым столкновением, завершившим второй фазис истории народов Европы. Сегодня на ее территории происходят процессы, очень близкие к тому, что предсказывал Соловьев, говоря о третьем фазисе исторического развития. Европейские государства, сохраняя свою политическую, экономическую, культурную самостоятельность, приходят свободно и добровольно к новому единству — в виде Европейского союза, Европарламента, Совета Европы, единого экономического и валютного пространства и т. п. И сегодня невозможно даже представить, чтобы спорные вопросы между ними решались при помощи оружия.

Разумеется, Владимир Соловьев не был, подобно Нострадамусу, предсказателем конкретных событий, да он и не брал на себя такую задачу. Он был философом — отчасти эмпириком, отчасти рационалистом, отчасти мистиком — сообразно собственному представлению о философии как логике культуры, как «философии жизни». В целом же можно говорить о том, что в его учении мы находим философские ответы на важнейшие вызовы наступившего XXI века. В них мыслитель достаточно верно предугадал основные тенденции нашего времени, а именно: в условиях целостного и взаимозависимого мира мирному сосуществованию людей и народов в перспективе нет разумной альтернативы; путь к примирению человечества лежит через коммуникацию, общение, примирение людей и идей, диалог культур.

Литература

1. *Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
2. *Блок А.* Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 329–334.
3. *Величко В.Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и творения // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 12–76.
4. *Левинас Э.* Этика бесконечного // Керни Ричард. Диалоги о Европе [сборник]. М.: Весь мир, 2002. С. 191–213.
5. *Соловьев В.С.* Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3–138.
6. *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 259–404.
7. *Соловьев В.С.* Оправдание Добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.
8. *Соловьев В.С.* Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Соч.: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 548–555
9. *Соловьев В.С.* Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.
10. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
11. *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
12. *Черняк Е.Б.* Вековые конфликты. М.: Международные отношения, 1988. 400 с.

Literatura

1. *Bibler V.S.* Ot naukoucheniya — k logike kul'tury'. Dva filosofskix vvedeniya v dvadcat' pervy'j vek. M.: Politizdat, 1990. 413 s.
2. *Blok A.* Ry'czar'-monax // Kniga o Vladimire Solov'evе. M.: Sovetskij pisatel', 1991. S. 329–334.
3. *Velichko V.L.* Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvoreniya // Kniga o Vladimire Solov'evе. M.: Sovetskij pisatel', 1991. S. 12–76.
4. *Levinas E'.* E'tika beskonechnogo // Kerni Richard. Dialogi o Evrope [sbornik]. M.: Ves' mir, 2002. S. 191–213.

5. *Solov'ev V.S. Krizis zapadnoj filosofii (protiv pozitivistov) // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. T. 2. M.: My'sl', 1988. S. 3–138.*
6. *Solov'ev V.S. Nacional'ny'j vopros v Rossii. Vy'pusk pervy'j // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. T. 1. M.: Pravda, 1989. S. 259–404.*
7. *Solov'ev V.S. Opravdanie Dobra // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. T. 1. M.: My'sl', 1988. S. 47–548.*
8. *Solov'ev V.S. Pervy'j shag k polozhitel'noj e'stetike // Solov'ev V.S. Soch.: v 2-x t. T. 2. M.: My'sl', 1988. S. 548–555*
9. *Solov'ev V.S. Russkaya ideya // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. T. 2. M.: Pravda, 1989. S. 219–246.*
10. *Solov'ev V.S. Tri razgovora o vojne, progresse i konce vseмирnoj istorii // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. T. 2. M.: My'sl', 1988. S. 635–762.*
11. *Solov'ev V.S. Filosofskie nachala cel'nogo znaniya // Solov'ev V.S. Soch.: v 2-x t. T. 2. M.: My'sl', 1988. S. 139–288.*
12. *Chernyak E.B. Vekovy'e konflikty'. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1988. 400 s.*

S.B. Rotsinsky

**Vladimir Soloviev's Philosophy
in the Paradigm of the Logic of the Culture of the XXI Century**

In the article on the basis of the analysis of texts of the Russian thinker V. S. Solovyov (1853–1900) and concrete historic facts the author proved that the philosopher rather truly foresaw the main world tendency of our time, namely: in the conditions of the holistic and interdependent world there is no reasonable alternative to peaceful coexistence of people and peoples.

Keywords: logic of culture; prediction; reconciliation; synthesis; dialogue; coexistence; mankind.